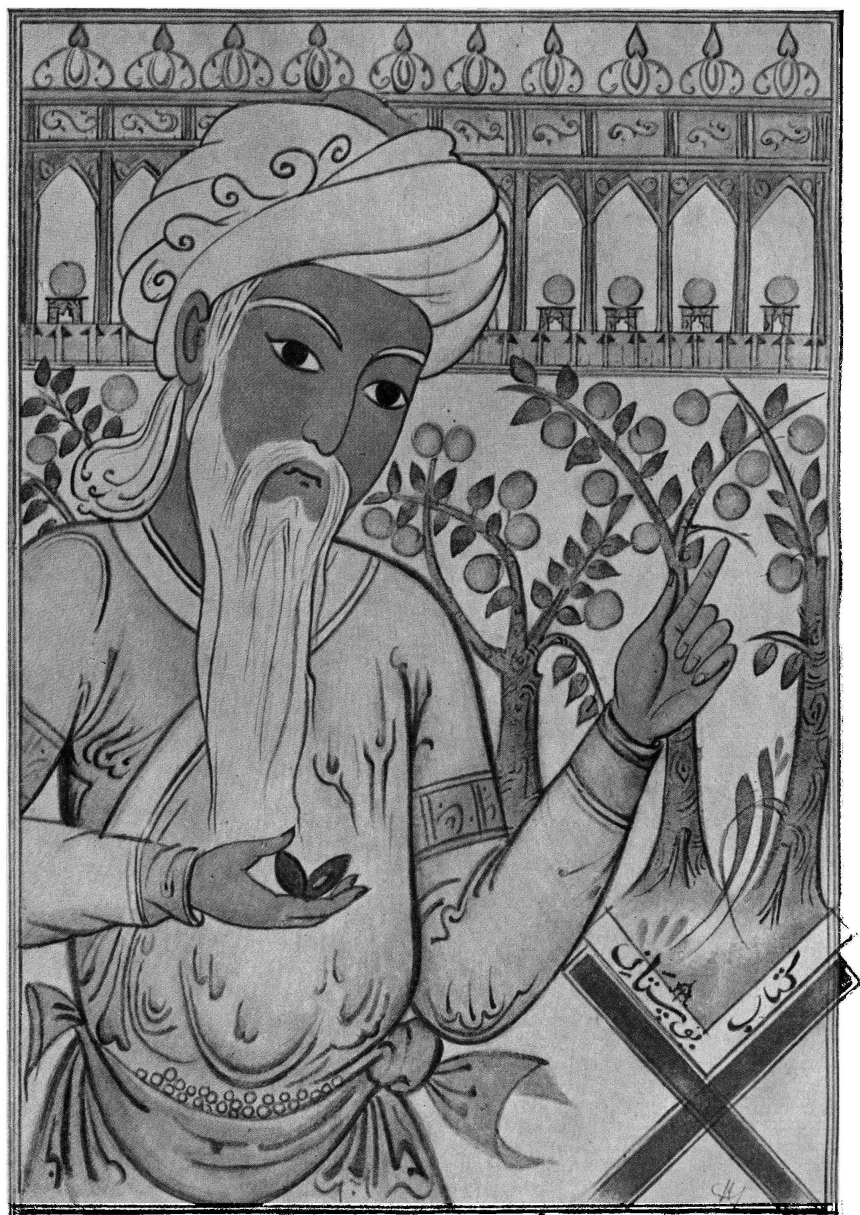

СА'ДИ

1

Весь наиболее достоверный биографический материал о Са'ди почерпается из его собственных произведений. Но Са'ди своей автобиографии никогда не писал, и поэтому извлекаемые из разных его сочинений отрывочные сведения носят, по необходимости, случайный и несвязный характер. Напрасно стали бы мы искать в том, что называется историей жизни этого автора, твердых дат и неоспоримо установленных фактов. Нет достоверных сообщений даже о времени его рождения и смерти. Обыкновенно считают, что родился он около 1184 года, а умер в 1291 году, т. е. прожил 107 лет, но в последнее время в Иране опубликованы данные (газета «Иран» №№ 3898 и 3901), отодвигающие дату его смерти еще на три года и удлиняющие, таким образом, его жизнь до 110 лет ¹.

¹ Мы даем здесь даты, принятые большинством европейских авторов на основании сводки показаний восточных биографов. Следует, однако, сказать, что эти данные не лишены некоторой спорности. Во введении к «Бустану» Са'ди точно устанавливает дату написания своей поэмы, а именно—655 год хиджры, т. е. 1257 год нашей эры. В начале IX главы, обращаясь к самому себе, Са'ди говорит: «О ты, возраст чей ныне семьдесят лет!» Если не считать этого числа 70 «круглой цифрой», а признать его за точный счет годам жизни, то, вычитая 70 из 1257, мы получим число 1187, которое и могли бы считать датой рождения. Однако биографы или совсем не обращали внимание на это обстоятельство или же, возможно из осторожности, полагали, видимо, что, говоря о своих семидесяти годах, Са'ди «округлял счет», и на этом основании находили почему-то более благоразумным считать, что автору во время написания «Бустана»

Если прежние даты вызывали недоверие исследователей (Massé, «Essai sur le poète Saadi», 99—100), то новые, разумеется, кажутся еще более сомнительными, и вполне понятно, что такая неясность в определении конечных сроков жизни автора должна сильно затруднять вопрос о генезисе и развитии его творчества. В остальном о жизни Са'ди мы знаем, что родился он в Ширазе, учился в Багдаде в знаменитом средневековом мусульманском университете «Незамийэ», затем очень долго путешествовал, изъездив, примерно, весь тогдашний мусульманский мир, а конец жизни, в почете и уважении, прожил в родном городе, где и погребен и где до сих пор существует его гробница.

Время жизни Са'ди совпало с катастрофическими событиями в истории Востока. Поэт пережил войны с крестоносцами (был даже сам у них в плену), разрушительное нашествие монголов, «крушение царств», ужасы иноземного завоевания. Через все испытания пронес он свой светлый, практический разум, незатемняемую ясность сознания, уживчивый и мягкий нрав. Скитания и жизненные испытания обогатили его опыт, расширили кругозор и значительно возвысили его сознание над уровнем идеологии средневекового буржуа эпохи возвышения городов в борьбе с феодалами.

Но все же эта идеология составляет у Са'ди главную основу его миросозерцания, выливающуюся в довольно законченную философию «здравого смысла» и приспособленчества. И отнюдь не его легкий скептицизм, не пренебрежение к собственности и собственническим инстинктам, вынесенное из наблюдения над мировыми катастрофами, не гуманизм и ласковая терпимость,—словом, не то, что поднимает Са'ди над уровнем среднего сознания его современника, а именно эта философия приспособленчества и оппортунизма, эта общедоступная житейская мораль обусловили необычайный успех его произведений на много столетий во всех странах переднего Востока. Что же касается Ирана XIX и начала XX века, то Са'ди, без преувеличения, был (а отчасти продолжает быть и до сих пор) «властителем дум», удивительной живучестью своего влияния лучше всяких других аргументов доказывая всю силу пережитков феодальных форм бытия и сознания в этой стране. Его наиболее популярная книга «Голестан» буквально была спутником всей жизни каждого грамотного иранца, в детстве учившегося по ней родному языку в школе, а в зрелые годы постоянно почерпавшего из этого неиссякаемого источника житейской мудрости сентенции, афоризмы и правила практической морали на всякие случаи жизни. И только в последние два десятилетия

было не 70 лет, а 73 года. Такие соображения едва ли убедительны, так как с одинаковым правом можно предположить, что поэт, в том случае, если он действительно «округлял счет», мог, равным образом, не убавлять, а, наоборот, прибавлять себе годы и, говоря о 70 годах, на самом деле иметь 67 или 68 лет. Последнее предположение нам казалось бы более осторожным. Возможные даты рождения поэта могут, таким образом, располагаться между 1187—1190 гг.

начинают замечаться симптомы перемены отношения к прежнему «властителю дум». Время от времени слышатся голоса, высказывающиеся против практической философии ширазского шейха¹ и его оппортунистической морали, а знаменитый «Голестан» признается с педагогической точки зрения не совсем подходящей книгой для воспитания подрастающего поколения.

Само собой разумеется, что необыкновенный успех и поразительная живучесть произведений Са'ди на Востоке объясняются также их высокими художественными достоинствами. Са'ди—экономный, занимательный и остроумный рассказчик. Слог его ясен, изящен и, при всей изысканности и некоторой искусственности, доступен и прост. Недаром его «Голестан» является, быть может, самым распространенным пособием при изучении персидского языка не только на Востоке, но и на Западе. Словом, Са'ди—«классичен», и можно смело сказать, что ему принадлежит первое место после Фердоуси, как бесспорному классику персидской литературы. Произведения его довольно многочисленны, и полное собрание сочинений (*коллийят*) составляет в бесчисленных восточных изданиях достаточно объемистый том, но, принимая во внимание редкое долголетие автора, следует все же сказать, что написано им сравнительно немного. Са'ди является автором четырех сборников од и элегий (*касид*), четырех сборников лирических стихов (*газелей*), нескольких собраний кратких стихотворных отрывков, четверостиший и двустиший, нескольких прозаических посланий (*ресала*) и, наконец, двух крупных произведений: «Бустан» и «Голестан». Есть в полном собрании сочинений также и отдел порнографический. Самыми знаменитыми и, бесспорно, значительнейшими книгами Са'ди являются «Голестан» и «Бустан».

«Голестан» («Цветник») — наставительное для жизни руководство, мораль и поучения которого должны вытекать из более или менее занимательных (и часто далеко не назидательных) рассказов, распределенных по восьми отделам, написан предельно организованной, часто рифмованной прозой вперемежку со стихами. На русском языке эта книга существует в двух полных (Назарьянц, «Розовый кустарник», Москва, 1857; Холмогоров, «Гюлистан», Москва, 1882) и одном неполном переводах (Бертельс, «Гюлистан», Гиз, Берлин, 1923).

«Бустан» («Плодовый сад»), написанный одним годом раньше «Голестана», трактат о правилах поведения, в котором чисто дидактическая сторона занимает несравненно больше места, чем в «Голестане», представляет собой поэму свыше 8.000 стихов, разделенную на десять отделов: о справедливости и правилах мировластия, о благотворительности, о любви, о смирении и скромности, о покорности, о воздержности и довольстве

¹ В Иране некоторые наиболее популярные поэты часто фамильярно называются не их именами или псевдонимами, но прозвищами. Когда говорят «хаджэ», то подразумевают Хафеза, а произнося слово «шейх», имеют в виду Са'ди.

судьбой, о воспитании, о благодарности богу, о покаянии. Последний, десятый, отдел содержит молитвы и заключение книги.

Хотя «Голестан» и «Бустан», как самые крупные произведения, занимают в творчестве поэта центральное место, не следует все же думать, что Са'ди надлежит рассматривать только как поэта-дидактика и прозаика-моралиста. Значение его как поэта лирического также очень велико. Если в касидах (одах) он и не дал высших достижений, то его газели чрезвычайно высоко расцениваются знатоками персидской поэзии и признаются мало уступающими прославленным газелям Хафеза. Таким образом, в лице Са'ди персидская литература имеет разностороннего автора, который одинаково силен как поэт-дидактик, как мастер украшенной прозы и как поэт лирический.

Огромная популярность Са'ди на Востоке нашла надлежащее отражение и на Западе. Произведения ширазского поэта стали переводиться на европейские языки начиная с XVII века, и к нашему времени библиография изданий и переводов его сочинений и исследований о нем достигает, например, в книге Massé (*«Essai sur le poète Saadi»*, Paris, 1919) внушительного объема (включая и восточные издания), будучи, между тем, далеко не полной. На русском языке лучшее исследование о Са'ди находится в труде Крымского «История Персии, ее литературы и дервишеской теософии» (т. III, № 1—2, Москва, 1914—1917, стр. 390—504), где дана и достаточная библиография, доведенная до 1915 года.

2

Написанная гениальным иранским писателем XIII века нравоучительная и, следовательно, нравоописательная поэма, по самой своей жанровой установке и концепции обязательно тесно связанная с «нравственными», т. е. бытовыми условиями эпохи, должна бы являться литературным памятником, «как в зеркале отражающим» черты своего времени, т. е. представлять собой в некотором роде «энциклопедию» идеологии и жизни средневекового Ирана. В полной мере такой энциклопедией «Бустан», однако, не является, на причины чего мы и укажем ниже. Не будучи полной «энциклопедией» своего времени, поэма, тем не менее, превосходно отразила основные черты эпохи. К сожалению, переводчику, и особенно переводчику-поэту, не всегда удается быть удовлетворительным исследователем переводимого памятника. Слишком близкое отношение к тексту часто лишает необходимой перспективы, надлежащего «взгляда со стороны» и, следовательно, возможности схватить и понять основное—иначе говоря, мешает видеть «лес», так часто заслоняемый «деревьями» метрических и стилистических свойств оригинала. Все же мы позволим себе указать здесь на некоторые специфические черты плохо изученного иранского средневековья, нашедшие, по нашему мнению, достаточно выуклое изображение в поэме.

Одной из таких особенностей не только иранского, но и всего «мусульманского» средневековья является чрезвычайно сильное развитие

рабства. Как в «Бустане», так и в другом, еще более знаменитом произведении Са'ди «Голестане», читатель все время сталкивается с упоминанием о рабе (*бэнда* или *голям*). Раба покупают, продают, используют в хозяйственных и строительных работах, а иногда и для некоторых других прихотей, о которых мы здесь умолчим. Сам Са'ди, который, быть может, никогда и не испытывал острой материальной нужды, но богачом во всяком случае не был, не раз указывает на свое обладание рабами:

В Египте был раб у меня. Скромн, тих...

(«Бустан», VII).

При всем своем огромном значении в хозяйственном укладе того времени рабство не имело, однако, ведущей экономической роли, и раб, главным образом, использовался, видимо, в домашнем хозяйстве, а также как рабочая сила на строительных и земляных работах¹.

Ведущая хозяйственная роль принадлежала так называемому свободному земледельческому труду. Говоря о разорении страны, в результате насилий и незаконного тиранства правителей, Са'ди в первой главе своей поэмы указывает как на самый губительный результат такого правления на то, что

Всяк вольный уедет, и, сердце скрепив,
Останется раб средь запущенных нив.

И в той же главе:

Не стало налогов: крестьянин бежал.

Из этих и других упоминаний мы видим, что основной производственной силой был «вольный» крестьянин (*дежкан*), выплачивавший государству земельную подать (*харадж*). Са'ди неоднократно советует властям заботиться о крестьянах:

На пользу себе охраняй ты крестьян.
Довольный, в работе прилежен и рыян.
Ужель это благо, коль делаешь зло
Тому, чьим трудом государство цвело?

(«Бустан», I).

Очень высокую оценку дает Са'ди материальному положению ремесленников. В VII главе «Бустана», говоря о воспитании сыновей и обращаясь с педагогическими советами к представителю правящей верхушки, поэт довольно неожиданно для своего времени рекомендует учить сыновей

¹ См. «Гюлистан», перевод Холмогорова, 1882, стр. 200—201.

какому-нибудь ремеслу, так как, видимо, только положение ремесленника кажется ему прочным среди нестроений феодального общества.

На деньги свои не надейся. Из рук
Уходят большие сокровища вдруг,
Но если твой сын ремеслом овладел,
Минует его попрошайки удел.
Тугая мошна все ж иссякнуть должна,
У люда ремесл не пустеет мошна.

Другой особенностью феодальной формации на мусульманском Востоке было чрезвычайное развитие торгового капитала. Купец очень частый персонаж в обоих главных произведениях Са'ди. Купец встречается в них, пожалуй, еще чаще, чем раб. В «Голестане», например, Са'ди говорит о купце, ведущем крупную экспортную торговлю с несколькими отдаленными странами. Упоминаниями о международных торговых связях, о караванной и морской торговле изобилуют как «Бустан», так и «Голестан». Поощрение таких торговых связей Са'ди вменяет в обязанность хорошему правителю, говоря:

Ах, если властитель купечеству враг,
Народ свой и войско лишает он благ.
(«Бустан», I).

Однако, как мы видели, Са'ди, вообще резко осуждающий «страсть к стяжанию», считает власть денег среди превратностей средневековой жизни настолько непрочной, что наиболее завидным и постоянным положением в обществе признает удел ремесленника.

Кроме этих указаний на социально-экономический уклад своей эпохи, которых мы, к сожалению, можем коснуться только весьма бегло, поэма дает прекрасное изображение многих типических черт средневековой идеологии. Между прочим, в «Бустане», как и почти во всех памятниках мировой средневековой литературы, мы сталкиваемся с враждебным отношением к женщине и сочувствием к аскетизму, которого, однако, нужно отдать ему справедливость, Са'ди вовсе не является убежденным проповедником. Быть может, в данном случае Са'ди вовсе даже и не высказывает своих личных убеждений, а лишь отдает дань господствующей идеологии эпохи. Отзывы поэта о женщинах, хотя и отрицательны, но для средневекового мирозерцания все же достаточно смягчены похвалами, расточаемыми «добрым женам», которых, однако, рекомендуется держать что называется в «ежовых рукавицах». Быть может, отношение к женщинам было бы у поэта еще мягче, если бы ему не пришлось лично пострадать от «злой жены», о чем он рассказывает нам в «Голестане».

Несколько смягченному сравнительно с общепринятыми взглядами своего времени отношению к женщине вполне соответствуют необычайно здравые для средневекового писателя рассуждения поэта о воспитании

детей, в которых он, кроме уже упомянутого нами совета обучать сыновей полезному ремеслу, рекомендует мягкость и ласковость, весьма далекие от обычной для той эпохи «домостроевщины».

Выше нами было указано, что, выпукло изображая основные черты средневековой жизни Ирана, поэма Са'ди, тем не менее, не является идеологической «энциклопедией» своего времени. Чего же недостает в этом отношении. «Бустану»? Прежде всего поражает полное отсутствие признаков какого бы то ни было увлечения такими «науками», как астрология, толкование снов, алхимия и т. п., дань которому отдали почти все средневековые авторы Ирана, в том числе и дидактик-мистик Сэнаи, главная поэма которого изобилует весьма деловитыми рассуждениями о значении снов и астрологических сочетаний светил. Какова причина такой удивительной несовременности Са'ди в этом отношении? Врожденная трезвость и рационализм его ума, чему так много доказательств рассыпано по его произведениям, или, быть может, как раз недостаток схоластической учености, или же всему этому можно подыскать другие, более глубокие основания? Мы не имеем поводов не доверять собственным показаниям поэта о прохождении курса в знаменитой тогдашней исламской академии Незамийэ в Багдаде. Но вопрос—как он там учился и что извлек он из своей учебы? Мы знаем, что из этого обучения Са'ди вынес хорошее знание арабского языка, свидетельством чему является целое собрание арабских касид, составляющее часть его сочинений, но, нужно сказать, до сих пор еще ни разу не вызывавшее восхищения арабистов. Но каковы были прочие знания Са'ди? Если судить по чудовищной путанице и нелепостям сообщений о зороастрийской и брахманской религиях в рассказе о Сомнатском идоле («Бустан», VIII), то можно думать, что в некоторых религиозных науках, основных дисциплинах того времени, поэт был довольно слаб и во всяком случае не располагал, что особенно удивительно, никакими сведениями о зороастризме, насчитывавшем в его время еще достаточно последователей в Иране. Почти незаметно также в творчестве Са'ди и основательного знакомства с средневековой философией. Все это вместе взятое заставляет предполагать, что практический мудрец был, видимо, верен себе с малых лет и в ученические годы, так же как и в течение всей жизни, его гораздо больше интересовала живая действительность чем книга.

Такое отсутствие книжности и схоластической эрудитности отразилось, однако, чрезвычайно благоприятным образом на судьбе произведений Са'ди, освободив их от специфической средневековой окраски, сняв с них печать принадлежности к определенному историческому моменту и тем самым как бы определив их постоянное значение, удивительную живучесть и общедоступность на все время длительного господства и доживания феодальных отношений в застойных условиях развития переднеазиатских обществ.

Пренебрежение к схоластическим умствованиям, трезвость и прагматизм Са'ди всецело объясняются его классовой природой. Са'ди—горожанин, выходец из среды средневекового бюргерства. Мы не располагаем, правда, точными сведениями о его происхождении и классовой принадлежности, а если верить малонадежному биографу Довлетшаху, то отец поэта был, будто бы, даже придворным атабеков, властителей области Фарс, резидировавших в Ширазе, но, при всем этом, не подлежит никакому сомнению, что в произведениях своих Са'ди предстает перед нами человеком, для которого наиболее близкой была социальная среда крупного феодального города, интересы и быт средневековой буржуазии. При этом, однако, не надо забывать того, что, будучи несомненно выходцем из буржуазных кругов, Са'ди вынужден был отдать свои творческие силы на службу феодальной верхушке общества своей эпохи, так как, разумеется, только эти господствующие слои общества и окружавшая их бюрократия (светская и духовная) были в то время постоянными заказчиками и потребителями высших надстроечных ценностей. Этим объясняется некоторая нечеткость классового сознания поэта, вынужденного с одной стороны считаться с господствующей идеологией своей эпохи, а с другой стороны невольно отражавшего в своем творчестве мировоззрение и интересы своего класса. И, конечно, в гораздо большей степени этой нечеткостью классового сознания, чем недостатком философской выучки, объясняется значительная противоречивость взглядов и мнений поэта, о надлежащем согласовании которых он, как будто, и не заботился. Такими противоречиями «Бустан» очень богат и указывать на них нет нужды, т. к. они будут скоро замечены читателем. Однако, быть может, прав Э. Браун (E. Browne, A Literary History of Persia II, 531—532), считающий, что эта противоречивость, в которой он усматривает признаки широты и многогранности, как раз составляла и продолжает составлять главную притягательную силу для бесчисленных поклонников Са'ди, черпающих из книг своего любимого автора афоризмы и поучения соответственно своим разнообразным интересам и вкусам.

Для нас «Бустан» имеет значение литературного памятника, четко отражающего идеологию и бытовые черты феодальной жизни со всеми ее противоречиями и представляющего в значительной своей части занимательное и живое изображение эпохи, пережитки которой до сих пор влияют на сознание современных иранцев, для которых этот памятник, как уже было сказано выше, не теряет и в настоящее время своей действенности.

4

Насколько мысли и взгляды, выраженные произведениями Са'ди, еще живучи в сознании современного иранского общества, насколько «житейская философия» ширазского шейха еще может служить действительным оружием в классовой борьбе—хорошо видно хотя бы из следующего примера.

Два-три года тому назад в столице Ирана—Тегеране—вышла книга молодого писателя Мохаммеда Мэс'уд, под заглавием «Ночные увеселе-